DOI: 10.26907/2074-0239-2019-58-4-73-78
УДК 81.002.3

КОММУНИКАТИВНО-ЗНАЧИМЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ДРУГОГО

© Санья Маджаева, Евгения Кислякова

COMMUNICATIVELY RELEVANT SEMANTIC PROPERTIES OF THE *OTHER*

Sanya Madzhaeva, Evgenia Kislyakova

The article focuses on modelling the clusters of the semantic properties of the Other as an interlocutor. The study is based on the meanings of the lexico-semantic variants of the lexeme *other* as a key concept representing the communicative category of alterity. The latter is a universal interactive category, its content is metacommunicative, which allows interpreting the features of language use in the cognitive and discursive aspects. The category highlights the leading role of the Other (an interlocutor) as a communication parameter and the need to adequately construct the image of the Other in emotionally varying communicative situations, thus monitoring the lingvoecological aspects of interactions. The communicative characteristics of the Other are most typically rendered in profound associations and meanings in the semantics of the lexeme *other*. Among them the following characteristics are of greater priority: the Other speaks or thinks differently from the partner in the I-position, has specific qualities that the majority do not possess, does not have enough characteristics for the interlocutor to rely on in constructing the adequate image of the Other (if the Other is different or similar, is a foreigner or a stranger, is weird, extraordinary and eccentric or rank-and-file, keeps oneself to oneself, is a newcomer or someone you know quite well but who is different and unpredictable each time, etc.). As a result, the Other is characterized by such parameters as *indefinite* (*certain, etc.*), *detached* (*separate, individual, etc.*), *foreign* (*alien, etc.*), *novel* (*newcomer, etc.*), *plural* (*each, every, any, etc.*), *original* (*extraordinary, etc.*), *weird* (*eccentric, etc.*), each of them specifying the most general categorical characteristics of alterity: *singularity – multitude, identity – similarity, likeness – difference, nativity – foreignness, normativeness – non- normativeness, certainty – uncertainty, reality – unreality*.

Keywords: alterity, communicative category, Other, metacommunicative content, categorical characteristic, parameter of communication, lingvoecological interaction.

Статья посвящена моделированию кластеров семантических признаков *Другого* как речевого партнера на основе значений лексико-семантических вариантов слова *другой* как ключевого репрезентанта коммуникативной категории инакости. Рассматриваемая категория является универсальной категорией общения, ее содержание метакоммуникативно и позволяет интерпретировать особенности употребления единиц речи в когнитивно-дискурсивном аспекте. Она актуализирует значимую роль *Другого* (речевого партнера) как параметр любой коммуникации и раскрывает необходимость адекватного построения Ино-образа *Другого* в условиях эмоционально варьируемых ситуациях общения, что, в свою очередь, определяет лингвоэкологический характер общения. Коммуникативные характеристики *Другого* в наиболее обобщенном и типизированном виде представлены в разветвленной в ассоциативно-смысловом плане семантике слова *другой*. Среди данных характеристик особое место занимают следующие: говорит и / или мыслит не так, как говорящий Я; имеет специфические черты, несвойственные большинству; не имеет достаточного количества признаков, чтобы предоставить говорящему «материал» для конструирования адекватного Ино-образа (*Другой* отличается или обнаруживает сходство, является приезжим или иностранцем, выделяется своей странностью, чудачеством или неприметен, держится особняком, является новичком или давно знакомым, но каждый раз проявляет себя по-разному и пр.). В результате *Другой* характеризуется по таким параметрам, как *неопределенность* (*некоторые*), *обособленность* (*отдельные, каждый сам по себе и др.*), *чуждость* (*чужестранец и др.*), *новизна* (*новичок и др.*), *множественность* (*каждый, всякий и др.*), *уникальность* (*экстраординарный*), *странность* (*чудаческий*) и др., каждый из которых дополняет или конкретизирует самые общие категориальные признаки инакости: *единство – множественность*,

тождество – подобие, сходство – различие, свойственность – чуждость, нормативность – ненормативность, определенность – неопределенность, реальность – гипотетичность.

Ключевые слова: инакость, коммуникативная категория, Другой, метакоммуникативное содержание, категориальный признак, параметр общения, лингвоэкологическое общение.

В лингвистике уже стало аксиоматичным утверждение о том, что в процессе выбора речевых средств говорящим необходимо учитывать коммуникативные ожидания адресата, что в свою очередь должно определять реализацию интенции говорящего. При этом важную роль при достижении говорящим своих целей в коммуникации играет способность к коммуникативной эмпатии, что в итоге влияет на эффективность речевого поведения, направленного на создание и поддержание ситуаций кооперативного и гармоничного общения.

На чем должна быть сосредоточена коммуникативная эмпатия, чтобы собеседник смог сконструировать максимально адекватный Ино-образ *Другого* как речевого партнера (подробнее об Ино-образе см.: [Кислякова, 2017])? Как справедливо отмечает А. А. Леонтьев, «для успешности общения мало знать что-то о собеседнике: учитывая, что он тоже моделирует говорящего, важно дать ему нужный для этого „материал“...» [Леонтьев, с. 207]. Думается, что минимальным содержанием такого материала располагает сама семантика, номинирующая сферу *Другого*.

По авторитетному мнению В. Г. Гака, категории, с помощью которых реализуются эгоцентричность и субъективность речи и которые сам исследователь определяет как речевые, или коммуникативные, взаимосвязаны с различными аспектами акта речи и способами их языкового выражения, а также со сдвигами в значении языковых форм в процессе речевой реализации [Гак, с. 566]. Изучение данных категорий позволяет установить существенные закономерности употребления языковых единиц в процессе коммуникации. При этом под коммуникативными категориями следует понимать форматы знания, содержание которых раскрывает определенные когнитивно-дискурсивные закономерности употребления единиц языка.

В наших предыдущих работах был введен в научный обиход термин *коммуникативная категория инакости* как междисциплинарная категория, экстраполированная из других гуманитарных наук (философии, социологии, искусствоведении, литературоведении и пр.) в лингвистику [Кислякова, 2018]. Под инакостью нами понимается категория субъектно-субъектных и / или субъектно-объектных отношений в рамках оппозиции «Я – Другой», реализуемых в процессе са-

моидентификации человека говорящего, а также в межличностном, межгрупповом и межкультурном общении. Как было доказано ранее [Там же], содержание категории инакости позволяет интерпретировать закономерности коммуникативной деятельности человека говорящего, поэтому мы рассматриваем ее как коммуникативную категорию.

О. А. Кобрина считает, что коммуникативные категории, будучи связанными с процессом использования языка [Кобрина, 2011], могут не иметь формы выражения, закрепленной в языковой системе, поскольку они репрезентируют размытые, при этом субъективные и релятивные ментальные явления, в первую очередь, отношение к содержанию высказывания и коммуникативному партнеру [Кобрина, 2006, с. 91]. Другие исследователи, в частности С. С. Тахтарова, чье мнение по этому вопросу мы полностью разделяем, считают не совсем верным приведенную выше научную позицию, поскольку в языке коммуникативные категории могут соотноситься с ключевыми лексемами, выражающими их. Проблема оязыковлени коммуникативных категорий объясняется тем, что их коммуникативная специфика не отражена в дефинициях слов, номинирующих данные форматы знания. Поэтому для их номинации зачастую обращаются к словосочетаниям, которые подчеркивают коммуникативный характер категорий, например, коммуникативная неприкосновенность, коммуникативное давление, коммуникативное смягчение, коммуникативный оптимизм / пессимизм, коммуникативное доверие и др. [Тахтарова, 2009, с. 83]. Кроме этого, как утверждает И. А. Стернин, вычленение категорий в коммуникативном сознании говорящих осуществляется из опыта обнаружения данной категории в общении: категории и их содержание определяются по результатам анализа примеров общения [Стернин, с. 132].

С. С. Тахтарова также отмечает, что коммуникативные категории конституируют коммуникативное сознание *homo loquens*, задают обобщенные представления речевых партнеров об общении и определяют их дискурсивное поведение. Лексическая объективация коммуникативных категорий является более сложной, в отличие от концептов, которые всегда репрезентированы именем. Коммуникативные категории имеют имплицитный характер проявления в дис-

курсе. Часто категория обнаруживается с помощью дискурсивных операторов и маркированных речевых формул, а также различных невербальных компонентов общения – мимики, взгляда, жеста, интонации и пр. [Тахтарова, 2017, с. 191].

При изучении коммуникативной категории инакости мы выявили ключевое понятие и его ассоциативно-смысловые корреляты. В ходе исследования был применен инструмент концептуальной метонимии, который позволил осуществить когнитивную перефокусировку внимания с одного конституента сложной категории на другой. Поскольку инакость как категория, объективирующая отношения Я и Другого, выявляет понятие «Другой» как основной из ее конституентов, нами было проведено семасиологическое уточнение данного понятия, а также ключевого понятия «Инакость». Приемы таксономического метода, например, компонентный анализ семантики слов *другой, иной, инакость*, позволили выявить объемный кластер семантических признаков и конкретизаторов, характеризующих инакость как категорию со сложной когнитивной структурой.

На отдельных этапах исследования, например, на этапе концептуального моделирования категории инакости и выявления основных категориальных признаков и их конкретизаторов, было проанализировано более 500 лексических и фразеологических единиц, эксплицирующих различные содержательные характеристики инакости, что, на наш взгляд, позволило верифицировать значимость исследуемой категории для процесса мышления и ее устойчивость в ментальной сфере.

В результате сплошной выборки из многочисленных словарей и справочников нами были выявлены основные лексические и фразеологические средства репрезентации категории инакости, в значении которых доминирующими смысловыми признаками являются «различие», «разнообразие», «несхожесть», «непохожесть», «необычность», «непривычность» и пр. На основании данных признаков нами были смоделированы такие категориальные признаки инакости, как *единство – множественность, тождество – подобие, сходство – различие, свойственность – чуждость, нормативность – ненормативность, определенность – неопределенность, реальность – гипотетичность*. Также учитывался анализ языковых единиц, реализующих идею исключительности (например, такие лексемы, как *исключительный, выдающийся, особый, особенный*, включены в список признаков и конкретизаторов исследуемой категории).

Ранее нами было доказано, что лексема *другой* является лексическим средством репрезентации категории инакости во всех ее параметрах, но в каждом случае рассматриваемый репрезентант выступает в качественно ином своем лексико-семантическом варианте [Кислякова, 2015], что позволяет отметить изменение когнитивного пространства языковой личности, свидетельствует о динамичности данной лексемы. Личностный смысл, который вкладывает человек говорящий, позволяет изменить его внутренний мир, развивать язык, так как меняется предметный мир, следовательно, способы познания, представленные в нем, динамичны [Маджаева, Касимцева, с. 61].

В ходе анализа семантики репрезентантов категории инакости были выявлены следующие группы признаков, отражающих метакоммуникативное знание о *Другом* как речевом партнере:

1) *субстанциональные*: *некоторые люди, варяг, чужак, чужанин, новь, новичок* и др.;

2) *адъективные*: *прочий, остальной, иной, каждый, частный, всякий, всевозможный, разнообразный, пестрый, многообразный, каждый сам по себе, разнородный, разнохарактерный, разноплановый, чужеродный, инородный; видоизмененный, не такой, подобный, схожий, сходный, отличный, противоположный, разный, обратный, супротивный, противный, противоположащий, несхожий, непохожий, несходный, особый, особенный, другой, отличающийся, различный, неодинаковый, противоречивый, диаметральный, необычный, непривычный, забавный, смешной, выдающийся, исключительный, индивидуальный, особливый, уединенный, единичный, нехарактерный, спорадический, странный, нехарактерный, несвойственный, чрезвычайный, дикий, непонятный, удивительный, необыкновенный, нелепый, необычайный, чудный, чудной, чудаковатый, чудацкий, неестественный, ненормальный, оригинальный, экзотический, отстраненный, противоестественный, диковинный, неординарный, вычурный, эксцентричный, парадоксальный, странноватый, самобытный, незнакомый, неизвестный, далекий, лишний, дальний, посторонний, не связанный с окружающим, иноземный, иностранный, приезжий, отдаленный, чужой, чуждый, зарубежный, экзотический, заграничный, навязанный, придаточный, отрешенный, заморский, сторонний, побочный, иноземный, чужеземный, залетный, пришлый, нездеиный, непричастный, чужанин, внешний, отчужденный, неродной, экзотичный, варяжский, приходящий, чужестранный, пригульный, не свой, новоиспеченный, новоявленный,*

новоприбывший, одинокий, одиночный, частичный, разрозненный, раздельный, изолированный, разобщенный, обособленный, сепаратный, разъединенный, не участвующий, беспричастный, свежий, новый, новехонький, малоизвестный, неиспытанный, свежееиспеченный, появившийся, новоизбранный, отдельный, некий, неизвестный, редкий, оставшийся, альтернативный, вероятный, возможный, предполагаемый, допустимый, правдоподобный, мыслимый, нереальный, выдуманный, надуманный, энный, энский, оставшийся, остальные, другого рода, всяческий, всякий, разношерстный, разнокалиберный и др.;

3) глагольные, глагольно-адвербиальные: *принять одного за другого, держаться особняком, только что появиться* и др.;

4) фразеологические: *каждому свое; раз на раз не приходится; жить бирюком; всяк молодец на свой образец; когда как, кто как; всяк по-своему с ума сходит; выдавать одно за другое; кто любит попу, кто попадью, а кто попову дочку; яблоко от яблони недалеко падает; рыбак рыбака видит издалека; руби дерево по себе; иной коленкор; из другого теста; как небо и земля; жить как кошка с собакой; не по Сеньке шапка; гусь свинье не товарищ; с чужинкой; с приветом; мозги набекрень; будто муха укусила; смотреть волком; словно с неба свалился; точно муху проглотил; как подменили; как полоумный; в тихом омуте черти водятся; как будто с цепи сорваться; на отшибе; в отрыве; сам по себе; ни сват ни кум, ни сват ни брат; не детей крестить; не пришей кобыле хвост; сбоку припека; не нашего прихода; не нашего сукна епанча; в чужих руках ломоть велик; в чужом глазу сучок видим, а в своем и бревна не замечаем; в чужой монастырь со своим уставом не ходят; чужая душа потемки* и др. [Абрамов], [Ефремова], [Идеографический словарь русского языка], [Словарь-тезаурус синонимов русской речи].

В семантике лексем, репрезентирующих *Другого*, отражены его типовые поведенческие характеристики. Особенно ярко они представлены в глагольных, глагольно-адвербиальных, адекватных и фразеологических репрезентантах, составляющих лексико-семантический портрет *Другого* как речевого партнера. Анализ семантики репрезентантов *Другого* выявляет следующее метакоммуникативное содержание: говорит и / или мыслит не так, как говорящий Я; имеет специфические черты, несвойственные большинству; не имеет достаточного количества признаков, чтобы предоставить говорящему «материал» для конструирования адекватного Ино-образа (*Дру-*

гой отличается или обнаруживает сходство, является приезжим или иностранцем, выделяется своей странностью, чудачеством или неприметен, держится особняком, является новичком или давно знакомым, но каждый раз проявляет себя по-разному и пр.).

В языке как знаково-смысловой системе находят отражение наиболее типизированные и обобщенные признаки *Другого*. Под влиянием разнообразных коммуникативных ситуаций некоторые признаки становятся доминантными, другие могут нивелироваться, становиться латентными. Это хорошо прослеживается в процессе смены социально-коммуникативных ролей одной языковой личности. Например, рабочая и домашняя атмосферы способны изменять психологические черты личности:

For Emily Newman, a gourmet food store she owned in Seattle, in the US state of Washington, was where she could be a “very confident, extroverted version” of herself. “I miss the person that I was because I was so engaged all the time with everyone,” she says. “I was willing to engage and lean in and kind of dig in, and that was who I was authentically at work.” At home, she says, she is a quieter, more cautious and introverted version of herself [BBC. Worklife].

Данный пример свидетельствует о том, что субъект может обнаруживать в своем коммуникативном поведении даже противоречивые признаки, которые делают его значимым *Другим* в различных ситуациях. Кроме этого, коммуниканты могут приписывать друг другу характеристики, не отражающие объективную сущность *Другого*, а являющиеся результатом пережитого опыта коммуникативного взаимодействия с конкретным *Другим* в определенных коммуникативно-эмоциональных ситуациях.

Например, в произведении Марша Генри «Не навреди. История о жизни, смерти и нейрохирургии» врач описан иначе по сравнению с современным стереотипным представлением о нем – эмоционально-нейтральном, непроницаемом профессионале. В произведении органы, сосуды для него представляют иной смысл – *преlestные красные кровеносные сосуды, опутывающие изумительную поверхность мозга; нежные белые ткани мозга; зернистая красная опухоль* [Марш Генри]. Данные примеры указывают на любовь врача к своей профессии. Следующие суждения врача свидетельствуют о его беспокойстве за пациента, неравнодушии: *сам начинаю переживать куда больше; сильный страх за пациента; чувство беспомощности, когда умирает пациент*. Пациенты наделяют врача также ины-

ми смыслами: *он – герой, даже Бог; сверхчеловеческие способности* [Там же].

В связи с вышесказанным представляется справедливым мнение И. Гоффмана о том, что коммуникативное взаимодействие людей имеет «драматургический» характер, то есть коммуниканты раскрывают себя в различных ситуациях через ситуативно обусловленные «сценические постановки», «театрализованную» собственную деятельность [Goffman, с. 155]. В результате личность складывается из суммарного эффекта удавшихся или неудавшихся представлений себя другим, которые влияют на формирование Ино-образа собеседников. Адекватное конструирование Ино-образа речевого партнера является необходимой предпосылкой формирования лингво-экологичной среды обитания человека говорящего. При этом конструирование экологичного Ино-образа Другого и себя для Другого основывается на эмпатийной осознанности разнообразных признаков Другого, выявлению которых и было посвящено данное исследование.

Таким образом, как показал семантический анализ репрезентантов категории инакости, Другой характеризуется по таким параметрам, как *неопределенность (некоторые), обособленность (отдельные, каждый сам по себе и др.), чуждость (чужестранец и др.), новизна (новичок и др.), множественность (каждый, всякий и др.), уникальность (экстраординарный), странность (чуждаческий)* и др. Каждый из них дополняет или конкретизирует самые общие категориальные признаки инакости, и их необходимо правильно интерпретировать в различных речевых ситуациях.

Список литературы

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 7-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 1999. 433 с.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М: Рус. яз., 2000. В 2 т. Т. 1: А-О. 1213 с.

Идеографический словарь русского языка. URL: <http://ideographic.academic.ru> (дата обращения: 01.11.2011).

Кислякова Е. Ю. Ино-образ в структуре языковой личности как проблема коммуникативистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 115–121.

Кислякова Е. Ю. Коммуникативная категория инакости: монография. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2018. 250 с.

Кислякова Е. Ю. Семантика другого: опыт семиологической конкретизации // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 18–24.

Кобрин О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики, 2006. № 2. С. 90–100.

Кобрин О. А. Специфика коммуникативной категории модуса // Вопросы когнитивной лингвистики, 2011. № 1. С. 70–74.

Леонтьев А. А. Психология общения. 3-е изд. М.: Смысл, 1999. 365 с.

Маджаева С. И., Касимцева Л. М. Языковая личность: значение и личностный смысл // Современные тенденции развития клинической психологии. Материалы научно-практической конференции с межд. участием. Астрахань. Изд-во Астраханский ГМУ, 2016. С. 57–61.

Марш Генри. Не навреди. Истории о жизни, смерти и нейрохирургии. [Пер. с англ. И. Чорного]. М.: Изд-во «Э». 2018. 336 с.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 07.01.2018).

Стернин И. А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллектив. моногр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. С. 331–344.

Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 382 с.

Тахтарова С. С. Коммуникативные категории в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник Волгоградского государственного университета. 2017. Т. 16. № 2. С. 189–196.

BBC. Worklife. URL: <https://www.bbc.com/worklife/article/20170518-why-were-different-people-at-work-and-at-home> (дата обращения: 10.09.2019).

Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. New York: Doubleday, 1959. 163 p.

References

Abramov, N. (1999). *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazhenii* [Dictionary of Russian Synonyms and Expressions Similar in Meaning]. Moscow, Russkie slovari. (In Russian)

BBC. Worklife. URL: <https://www.bbc.com/worklife/article/20170518-why-were-different-people-at-work-and-at-home> (accessed: 10.09.2019). (In English)

Gak, V. G. (1998). *Iazykovye preobrazovaniia* [Language Changes]. 768 p. Moscow, Shkola Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

Goffman, E. (1959). *The Presentation of Self in Everyday Life*. 87 p. New York, Doubleday. (In English)

Efremova, T. F. (2000). *Novyi slovar' russkogo iazyka* [New Dictionary of the Russian Language]. *Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi*. T. 1, A–O, 1213 p. Moscow, Rus. iaz. (In Russian)

Ideograficheskii slovar' russkogo iazyka. [Ideographic Dictionary of the Russian Language]. URL:

<http://ideographic.academic.ru> (accessed: 1.11.2011). (In Russian)

Kisliakova, E. Iu. (2017). *Ino-obraz v strukture yazykovoj lichnosti kak problema kommunikativistiki* [Other Image in the Structure of Linguistic Personality as a Problem of Communication]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2, pp. 115–121. (In Russian)

Kisliakova, E. Iu. (2018). *Kommunikativnaia kategoriia inakosti* [Communicative Category of Alterity]. Monografiia. 250 p. Volgograd, Nauchnoe izdatel'stvo VGSPU Peremena. (In Russian)

Kisliakova, E. Iu. (2015). *Semantika drugogo: opyt semasiologicheskoi konkretizatsii* [The Semantics of Other: An Experiment of Semasiological Specification]. *Mir russkogo slova*. No. 3, pp. 18–24. (In Russian)

Kobrina, O. A. (2006). *Modusnye kategorii kak sposoby vyrazheniia sub"ektivnogo otnosheniia cheloveka k vyskazyvaniu* [Categories of Modus as Ways of Reflecting Subjective Attitude towards the Utterance]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, No. 2, pp. 90–100. (In Russian)

Kobrina, O. A. (2011). *Spetsifika kommunikativnoi kategorii modusa* [Specific Features of the Communicative Category of Modus], *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. No. 1, pp. 70–74. (In Russian)

Leont'ev, A. A. (1999). *Psikhologiya obshcheniia* [The Psychology of Communication]. 365 p. Moscow, Smysl. (In Russian)

Madzhaeva, S. I., Kasimtseva, L. M. (2016). *Iazykovaia lichnost': znachenie i lichnostnyi smysl* [The

Linguistic Persona: Meaning and Personal Associations]. *Sovremennye tendentsii razvitiia klinicheskoi psikhologii. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhd. uchastiem*. Pp. 57–61. Astrakhan'. Izd-vo Astrakhanskii GMU. (In Russian)

Marsh, Henry. (2018). *Ne navredi. Istoriia o zhizni, smerti i neirokhirurgii*. [Do No Harm: Stories of Life, Death, and Brain Surgery]. 336 p. Moscow, izd-vo "E". (In Russian)

Slovar'-tezausur sinonimov russkoi rechi [Thesaurus Dictionary of the Synonyms in Russian Speech]. URL: <http://dic/academic.ru> (accessed: 7.01.2018). (In Russian)

Sternin, I. A. (2003). *Tolerantnost' i kommunikatsiia* [Tolerance and Communication]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kollektiv. monogr.* Ekaterinburg, izd-vo Ural'skogo un-ta, pp. 331–344. (In Russian)

Takhtarova, S. S. (2009). *Kategoriia kommunikativnogo smiagcheniia (kognitivno-diskursivnyi i ehtnokul'turnyi aspekty)* [The Category of Communicative Softening (cognitive-discursive and ethnocultural aspects)]. Monografiia. 382 p. Volgograd, izd-vo VoLGU. (In Russian)

Takhtarova, S. S. (2017). *Kommunikativnye kategorii v kognitivno-diskursivnoi paradigme* [Communicative Categories in the Cognitive-Discursive Paradigm]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 16. No. 2, pp. 189–196. (In Russian)

The article was submitted on 30.10.2019
Поступила в редакцию 30.10.2019

Маджаева Санья Ибрагимовна,
доктор филологических наук,
доцент,
Астраханский государственный
медицинский университет,
414000, Россия, Астрахань,
Бакинская, 121.
sanya-madzhaeva@yandex.ru

Кислякова Евгения Юрьевна,
доктор филологических наук,
доцент,
Волгоградский государственный социально-
педагогический университет,
400009, Россия, Волгоград,
пр. В. И. Ленина, 27.
kisjen@rambler.ru

Madzhaeva Sanya Ibragimovna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Astrakhan State Medical University,
121 Bakinskaya Str.,
Astrakhan, 414000, Russian Federation.
sanya-madzhaeva@yandex.ru

Kislyakova Evgenia Yurievna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Volgograd State Social Pedagogical University,
27 Lenin Ave.,
Volgograd, 400009, Russian Federation.
kisjen@rambler.ru